

У АНГЛИЙСКОГО писателя-фантаста Герберта Уэллса есть рассказ о чудесной калитке, изредка возникающей перед прохожими в стене дома или заборе. Толкнув ее, человек попадает в необычный, прекрасный мир. Вероятно, эта калитка, а вернее дверь театрального служебного входа, и возникла перед Анатолием. Рабочий сцены Григоров был ошеломлен—на неосвещенной сцене сумрачно, как паруса, поднимались кулисы, потолок был глубок и страшен, яркие пятна декораций и запах кулис вызывали неясную тревогу.

Все было ему интересно в театре, все становилось значимым: и горячие споры, и приподнятая жизнь репетиционных залов. Особенно влекла тайна перевоплощения, чужие мысли и чувства, овладевающие умом и нервами артиста.

Как многие театральные рабочие, он участвовал в «масовках». Но было что-то особенное в этом стажере, и главный режиссер обратил на него внимание. Первые шаги на сцене, первая реплика... Затем — учеба в студии театра. Опытные актеры вели студийные занятия—техника речи, сценическое движение, логический разбор монологов... Сколько физических усилий требует, оказывается, небрежный изящный поклон, легкая походка...

Так начиналась актерская судьба, трудная, счастливая. Жизнь наполнилась до предела—особенно, когда стал он студентом-заочником, прослав-

ПУТИ - ДОРОГИ

ВОЗРАСТ ДЕРЗАНИЙ

ленного ГИТИСа.

Уже в самом начале наметились главные черты «почерка» артиста—стремление проникнуть в психологию образа, раскрыть его социальный смысл. Удавалось это не всегда—удачи редко приходят сразу... В тех случаях, когда текст роли не позволял воображению опереться на конкретную ассоциацию, артист поневоле был прямолинейен, неинтересен, и сам мучился от недовольства собой. Зато в ролях многоплановых, неоднозначных, в которых можно было раскрыть мир человека, его сложности,—он обретал себя. Виктор («Иркутская история»), Сергей Яблонский («Глеб Космачев»), Петр Бородин («Соловьиная ночь») стали его удачей.

Но успех зависит не только от авторского текста, иначе все было бы просто. Истоки успеха в актере, в его человеческой индивидуальности, в богатстве внутреннего содержания. Очень много значили в ста-

новлении творческой индивидуальности Григорова встречи с крупнейшими артистами.

Весь облик Григорова, двадцатисемилетнего артиста, отмечен сдержанностью культурного человека. Он замыкается в себе, когда вопросы с его работе касаются незаконченных ролей, но охотно, с красочными подробностями рассказывает о театральных постановках вообще.

В «Иркутской истории» Анатолий Васильевич сыграл драму несостоявшейся любви. Очень тонко и точно раскрыл он в пьесе «Соловьиная ночь» душевную щедрость своего героя. Советский юноша, студент, ушедший на войну с первых ее дней, Петр Бородин принадлежит к поколению, воспитанному поэтом:

«...Вы в книгах прочитаете,
как миф,
О людях, что ушли,
не долюбив,
Не докурив последней
папиросы.

Пройдя все испытания войны, Петр дошел до победы, не огрубев душой, не ожесточившись. Немецкой девушке Инге—существо, запуганному войной, он щедро и уверенно дарит доброту, пробуждая в ней доверие к людям.

Мастерство артиста совершенствуется от роли к роли. Он никогда не поддается соблазну внешних эффектов, не крвет страсти в ключьях, поэтому часть зрителей считает его холодноватым, излишне рассудочным. Если можно сближать творчество артиста с каким-либо видом изобразительного искусства, то творческий почерк Григорова напоминает тонкую, сдержанную графику, передающую четкую мысль, наполненную драматизмом и эмоциональным напряжением.

О. ГАЙДУК,
старший редактор издательской группы Карагандинского политехнического института.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КАРАГАНДА
г. Караганда

29 НОЯ 1979